

Военная разведка России в борьбе с Японией (1904—1905)

Евгений Юрьевич Сергеев,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва.

E-mail: eugene.sergeev59@gmail.com

Статья посвящена одной из малоизвестных страниц в истории Русско-японской войны 1904—1905 гг. — организации и деятельности военно-разведывательных органов России в период противоборства с сильным и упорным противником на Дальнем Востоке. Использование широкого круга архивных материалов, ранее недоступных исследователям, а также новое прочтение опубликованных источников, включая мемуары и дневники участников описываемых событий, позволили автору наметить этапы, дать характеристику особенностей и показать магистральные тенденции становления военной разведки как самостоятельного структурного элемента вооружённых сил Российской империи в начале XX в.

Ключевые слова: Русско-японская война, военная разведка, шпионаж, военные и военно-морские атташе (агенты), лазутчики, диверсионная деятельность.

Russian military intelligence in the fight against Japan (1904—1905)

Evgeny Sergeev, Dr. Sc. (History), senior researcher at the Institute of General History, Moscow.

The article is devoted to a less known and disputable page in the history of the Russo-Japanese War of 1904—1905 — the establishment and activities of the Russian military-intelligent bodies in the struggle with the strong and obstinate adversary in the Far East. The usage of a broader corps of archival materials, which have been so far less accessible to scholars, along with a new interpretation of the published sources, including memoirs and diaries of the participants in the war, enabled the author to stipulate the stages as well as to characterize the peculiarity and show the main trends of the Russian military intelligence as an autonomic structural component in the armed forces of the Russian Empire in the beginning of the twentieth century.

Key words: Russo-Japanese War, military intelligence, espionage, military and naval attaches (agents), scouts, subversive activity.

Организация и деятельность военной разведки России в период войны против Японии (1904—1905 гг.) относится к одной из малоизвестных страниц истории XX в. Открытие в начале 1990-х гг. недоступных ранее архивных фондов вызвало всплеск исследовательской активности среди отечественных историков. Заслуживающие внимания работы были напи-

саны И.В. Деревянко, М. Алексеевым, И.Н. Кравцевым [21; 13; 34]. Большой интерес представляет также публикация документов из фондов ряда федеральных архивов, осуществлённая в 1993 г. группой отечественных историков [58], а также издание в 1996 г. секретного дневника военного министра А.Н. Куропаткина о визите в Страну восходящего солнца незадолго до начала войны [62]. Кроме того, свою лепту в изучение становления специальных служб, включая интересующий нас хронологический отрезок, внёс первый том «Очерков истории российской внешней разведки» под редакцией акад. Е.М. Примакова [42].

Привлечение значительного пласта новых источников позволяет специалистам по-новому взглянуть на причины, ход и итоги Русско-японской войны. Многие аспекты этого конфликта всё ещё требуют углублённого изучения, а оценки нуждаются в переосмыслении или корректировке. Пожалуй, в наибольшей степени это относится к освещению деятельности военных разведчиков, на которых до сих пор лежит клеймо «профессиональной некомпетентности», явившейся, по мнению ряда авторов, одной из главных причин поражения России [37]. Справедлива ли эта оценка? Как вообще проходило становление и совершенствование военной разведки на различных этапах войны? Какие направления и формы проведения специальных мероприятий на Маньчжурском театре войны и в сопредельных странах использовали русские разведчики? Каковы их подлинные достижения и неудачи? Наконец, какую роль сыграл дальневосточный конфликт в дальнейшей эволюции специальных служб?

Необходимо сразу оговориться, что предметом нашего интереса является именно *военная разведка*, главным образом сухопутных сил, поскольку действия русских эскадр в дальневосточных морях по известным причинам носили ограниченный характер. Также следует подчеркнуть, что за рамками статьи осталась другая обширная тема — борьба контрразведывательных органов с японским шпионажем, достаточно подробно освещённая в ряде специальных исследований [43; 44; 32; 18; 72; 67; 55].

Первый вопрос, встающий перед специалистами, — оценка готовности вооружённых сил Японии и России, а значит и их разведывательных структур, к войне. В исторической литературе распространена точка зрения о неожиданности японского нападения и отсутствии у разведки какой-либо информации о планах противника. Так, члены Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны — авторы соответствующего многотомного издания — отмечали: «Мы совсем не интересовались историей этой страны (Японии. — *Е.С.*) и совершенно её не знали... Правда, у нас существовала военная агентура, но где хранились добываемые ею сведения и насколько они были серьёзны? Те, которые доставлялись нашим Главным штабом, отличались большой неполнотой, заключая в себе лишь сухой перечень частей войск и военных учреждений и совершенно игнорируя внутренние качества японского

солдата и офицера и методы их воспитания и образования, создавшие современное могущество Японии» [30, с. 20, 23].

В действительности основной проблемой русской военной разведки накануне столкновения с Японией была незавершённость её структурной организации, что означало смешение функций и столкновение амбиций руководителей различных уровней. Вся практическую работу по обработке поступавшей информации и доведению её до высшего руководства империи по-прежнему выполнял Главный штаб, в составе которого приказом военного министра от 11 апреля 1903 г. было образовано специальное 7 отделение по военной статистике иностранных государств во главе с полковником М.А. Адабашем. Структурно оно являлось частью 1 отдела Управления 2-го генерал-квартирмейстера и делилось на восемь столов. При этом делами Дальнего Востока занимался 6-й стол [13, с. 313]. Примерно по такой же схеме обеспечивалось управление деятельностью военно-морских агентов России, сосредоточенное в стратегической части военно-морского учёного отдела Главного морского штаба [13, с. 310].

Кроме этого, активную разведку будущего Маньчжурского фронта осуществляли следующие штабы: Приамурского военного округа, дислоцированный в Хабаровске, Квантунской области, сформированный в Порт-Артуре, и Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, расположенный в Иркутске. Хотя последний из упомянутых номинально и подчинялся Министерству финансов, но на практике занимался сбором разведывательной информации в интересах военного ведомства.

Наконец, согласно инструкции Е.И. Алексеева, утверждённой 12 ноября 1903 г., начальникам оккупационной администрации — военным комиссарам трёх северо-восточных областей Китая: полковникам М.А. Соквнину (Гиринская провинция), М.Ф. Квевинскому (Мукденская провинция) и подполковнику А.И. Богданову (Хэйлунцзянская провинция) — также вменялось в обязанности «ведение административной разведки» и использование тайной агентуры [1, 29091/135—139]. Таким образом, к началу войны военная разведка России обладала несколькими каналами для анализа информации о Японии и сопредельных государствах Дальнего Востока.

Барьером для деятельности военных атташе на Дальнем Востоке было наблюдение японскими чиновниками и официальными изданиями, откуда можно было бы почерпнуть сведения, режима секретности. Более того, довольно часто русские «дипломаты в погонах» оказывались в информационной ловушке, переправляя в Петербург через штаб наместника сведения, намеренно искажённые японскими спецслужбами. В результате, как вспоминал позднее участник войны командир 140 Зарайского пехотного полка Е.И. Мартынов, из 14 пунктов «Сборника новейших сведений о вооружённых силах иностранных государств», посвящённых характе-

ристике японской армии, по данным военных атташе, в реальной боевой обстановке подтвердился лишь один [39, с. 5].

Другим каналом поступления разведывательной информации были официальные и негласные поездки офицеров Генерального штаба по Восточной Азии. Так, по свидетельству военного министра А. Н. Куропаткина, посетивший в 1903 г. Японию начальник 7-го военно-статистического отделения полковник Адабаш доставил генерал-квартирмейстеру Я. Г. Жилинскому ценные сведения о резервных частях японской армии, но и они были «положены под сукно», поскольку противоречили данным, собранным военными агентами [36, с. 186]. Зигзаги политики царского правительства на Дальнем Востоке и противоречивость поступавшей информации заставили А. Н. Куропаткина совершить инспекционную поездку к берегам Тихого океана и посетить Японские о-ва в период с 28 мая (10 июня) по 15 (28) июня 1903 г. По её результатам он пришёл к убеждению о высокой готовности Японии к войне и «противности» предстоящего вооружённого конфликта интересам России [62, с. 439].

В конце декабря 1903 г. вся поступившая разведывательная информация была обобщена Главным штабом в докладной записке Николаю II. Из неё со всей очевидностью следовало, что империя микадо полностью завершила подготовку к военным действиям и ожидает лишь удобного случая для нападения [42, с. 194—195]. Однако экстренных мер так и не последовало: Николай продолжал колебаться, оставаясь в плену иллюзий о военной мощи России.

Нерешительность самодержца и его окружения привела к тому, что ни один из планов подготовки кампании против дальневосточного соседа, составленных независимо друг от друга А. Н. Куропаткиным, Е. И. Алексеевым и Главным морским штабом, не был осуществлён до конца

И всё же у русской разведки накануне войны имелись и определённые достижения. К их числу отнесём тщательное топографическое изучение Маньчжурского театра военных действий; анализ этнического состава населения Цинской империи с рекомендациями по привлечению на сторону России её мусульманского населения [3, 1/1064/1-3]; создание надёжной системы охраны Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД); осуществление штабом Квантунской области совместно с военными комиссарами северо-восточных провинций Китая оперативных мероприятий по борьбе с шайками маньчжурских бандитов — хунхузов [20, с. 12—13].

С открытием боевых действий организация разведывательной службы должна была основываться на «Положении о полевом управлении войск в военное время», принятом ещё в 1890 г. [48, с. 1—152]. Первоначально координацию всей разведывательной службы на Дальнем Востоке осуществлял полевой штаб наместника, начальником которого был назначен генерал-майор Я. Г. Жилинский, а генерал-квартирмейстером — генерал-майор В. Е. Флуг [7, 1/1—2]. Однако после вступления в должность командующего Маньчжурской армией бывшего руководителя Приамурского

военного округа Н.П. Линевича 8 (21) февраля и особенно вслед за прибытием на театр сражений А.Н. Куропаткина 15 (28) марта 1904 г. центр русской военной разведки переместился из Порт-Артура в Ляоян, где был развёрнут штаб Маньчжурской армии [31, с. 144]. Генерал-квартирмейстером, а значит, фактическим руководителем разведывательной службы был назначен генерал-майор В.И. Харкевич, бывший преподаватель Николаевской академии Генерального штаба, занимавший затем пост начальника военных сообщений Виленского военного округа. Он принял новую должность 24 марта (6 апреля) 1904 г. [2, 1/217/285].

Одновременно часть функций по тактической разведке продолжали осуществлять штабы Приамурского военного округа и Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Кроме того, оперативный анализ ситуации, как и до войны, обеспечивался русскими комиссарами трёх северо-восточных провинций Китая. Дополнительной структурой, возникшей с началом развёртывания полевых войск, явился штаб тыла Маньчжурской армии, где агентурными мероприятиями руководил начальник военных транспортов генерал-майор Н.А. Ухач-Огорович [59].

Такой параллелизм и дублирование в организации разведывательной службы приводил к низкой эффективности сбора, анализа и передачи информации от различных штабов в части действующей армии. По признанию самих офицеров, откомандированных на Маньчжурский фронт для службы в разведывательных отделениях, весной 1904 г. в штабах и на позициях царил неразбериха. «К 1 (14) апреля у нас не было даже определённого мнения о месте вероятной высадки японцев на побережье, — вспоминал позднее ст. адъютант штаба войск Дальнего Востока, тогда капитан, А.А. Игнатъев, — а сведения были самыми разноречивыми» [25, с. 165].

Однако с течением времени деятельность русских специальных служб на Дальнем Востоке приобрела упорядоченный характер. Сложились три сферы разведки: «дальняя», или стратегическая, «разведка флангов», или тактическая, а также «ближняя», или оперативная [10, 1/22/5—18].

Первоначально задача налаживания «дальней» разведки при штабе Маньчжурской армии была возложена на военного агента в Корею полковника Д.А. Нечволодова, оказавшегося к началу войны в Ставке главнокомандующего, размещённой в Ляояне. Позднее, 29 июня (11 июля) 1904 г., приказом А.Н. Куропаткина это направление разведывательной деятельности поручили опытному специалисту, хорошо зарекомендовавшему себя в ходе осуществления секретных миссий в Закавказье и Центральной Азии, генерал-майору В.А. Косоговскому, которому, к сожалению, не удалось «найти общий язык» со своим непосредственным начальником В.И. Харкевичем [2, 1/217/293—294]. Основными источниками получения информации стратегического характера выступали русские военные атташе в Китае и европейских государствах; секретные агенты, выполнявшие задания не только на территории, оккупированной японскими войсками, но и в самой Стране восходящего солнца; на-

конец, чиновники гражданских ведомств России, пребывавшие по долгу службы в Китае и Монголии (особенно ценные сведения поступали от Генерального консула действительного статского советника А.И. Павлова и члена правления Русско-Китайского банка статского советника Л.Ф. Давыдова, каждый из которых сумел создать разветвлённую агентурную сеть) [10, 1/22/5—18].

Среди информаторов русской военной разведки в первый период войны преобладали подданные европейских государств, работавшие в газетах или компаниях на Дальнем Востоке. При этом наиболее охотно шли на такие контакты французы, бельгийцы, швейцарцы, датчане, немцы и даже (несмотря на союзные отношения Великобритании и Японии) подданные Соединённого Королевства. Их вербовка осуществлялась не только в Китае, но и в Европе.

Примером служит секретная телеграмма консула в Шанхае К.В. Клейменова, переданная 26 августа (8 сентября) 1904 г. через Павлова в разведывательное отделение штаба А.Н. Куропаткина, о беседе с прибывшим из Японии германским морским офицером Беккером. По словам последнего, он выполнял специальную миссию в соответствии с заданием, полученным от военного атташе в Берлине полковника В.М. Шебеко. Агент просил консула о содействии в передаче собранных сведений русскому командованию [1, 29289/422].

Наряду с агентурными данными, русской военной разведке удалось наладить перехват телеграфной переписки японских дипломатов из Европы в Токио через Париж и Шанхай. По данным Ч. Инабэ, только с апреля 1904 по март 1905 г. русскими было дешифровано 350 секретных телеграмм противника. Этот факт позволил исследователю отдать «пальму первенства» в деликатном вопросе лучшей осведомлённости о замыслах другой стороны России [28, с. 225—226].

Наконец, следует упомянуть сбор сведений из открытой печати, хотя по классификации Главного штаба этот вид аналитической работы явно ошибочно относился к «ближней», а не стратегической разведке. Здесь русское командование столкнулось с «беспрекословным приказанием» официального Токио японским журналистам соблюдать государственную и военную тайну. Некоторые сведения можно было почерпнуть лишь из репортажей иностранных корреспондентов, публиковавшихся в европейской прессе. Это особенно резко контрастировало с беспечностью русских газет, на страницах которых нередко помещались данные о перевозке корпусов на восток с указанием номеров дивизий и наименований полков, а также другая конфиденциальная информация [10, 1/22/19—51].

В июне 1904 г. для нейтрализации пропагандистской кампании противника офицеры разведывательного отделения штаба наместника поставили вопрос об издании газеты на английском языке, субсидированной русским правительством. Её куратором был назначен 1-й военный агент в Китае полковник Ф.Е. Огородников. 10 сентября того же года газета

начала выходить в Тяньцзине под названием «China Review» [5, 1/117/5; 10, 1/22/19—51]. Ещё одним печатным органом, обеспечивавшим распространение влияния России среди местного населения, стала газета «Шенцзинбао», которая издавалась военными комиссарами Мукденской и Гиринской провинций осенью 1904 г. [10, 1/22/171—172]. Наконец, для российских военнослужащих на театре военных действий выходил еженедельный «Вестник Маньчжурских армий», служивший больше целям подъёма их морального духа, чем объективного информирования о ситуации на фронте [41, с. 195].

Поскольку существовала реальная угроза перехода цинских властей и удельных монгольских князей на сторону японцев [1, 27504/61], главное внимание в области «разведки флангов» уделялось изучению настроения населения Северного Китая и Внешней Монголии. Для выполнения этой задачи русское командование направило туда несколько конных отрядов [10, 1/22/5—18]. Наибольшее значение имела поездка есаула Уральского казачьего войска Д.И. Ливкина, окончившего трёхгодичные курсы восточных языков при российском МИДе и ранее положительно зарекомендовавшего себя при выполнении заданий деликатного свойства. В апреле 1904 г. с документами на имя чаоторговца Попова он в сопровождении своих товарищей, действовавших под видом караванщиков, прибыл в ставку одного из наиболее влиятельных китайских генералов Ма. Богатые подарки, знание ритуала и умение расположить к себе собеседников позволили Ливкину наладить контакт с цинским военачальником. В результате русский эмиссар не обнаружил каких-либо реальных признаков готовящегося удара китайских войск в тыл русской армии [42, с. 180—181].

На крайнем левом фланге расположения русских войск, т.е. в районе границы с Кореей, проведение тактической разведки было поручено специальному конному отряду полковника А.С. Мадритова, который участвовал в подавлении восстания ихэтуаней и первым сформировал специальное разведывательное подразделение из бывших хунхузов [6, 1/1647/122—123].

Мониторингом ситуации в полосе КВЖД, как уже отмечалось выше, занимался также Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи, координировавший фланговую разведку со штабами Е.И. Алексеева и А.Н. Куропаткина. Так, сводка сведений, полученных пограничниками за сентябрь 1904 г., содержала информацию о настроении местных жителей, стычках с хунхузами, ситуации в Монголии и Китае, попытках японских диверсий на железных дорогах и телеграфных линиях. Кроме того, приводились отрывки из донесений военного комиссара провинции Хэйлунцзян в Маньчжурии подполковника Богданова [9, 2/15/3—14а].

Организация «ближней», разведки столкнулась с самыми серьёзными трудностями. Главными из них являлись отсутствие общей программы, противоречивость распоряжений штабов, слабое знание топографии

Маньчжурии русскими офицерами, командированными на фронт из центральных губерний империи, и умелая контрразведывательная деятельность японцев.

Наиболее эффективными каналами поступления информации служили лазутчики, особенно из числа местных жителей: китайцев, маньчжур, корейцев, монголов. Уже 10 февраля 1904 г. генерал Н.П. Линевич отдал распоряжение отдельному конному отряду генерал-майора П.И. Мищенко использовать их в разведывательных целях. Несколько позднее, в марте того же года, были утверждены размеры выплат лазутчикам-китайцам. В зависимости от ценности сведений единовременные платежи могли составлять суммы от 10 до 200 руб. (в среднем 40—50 руб.) [1, 29289/1; 14].

Однако, как показала практика, риск быть арестованным и казнённым самым жестоким образом (через отсечение головы или путём закапывания живьём в землю) японскими оккупационными властями постоянно возрастал, так как русские отступали, а их противник занимал всё новые территории. Поэтому командиры отрядов и частей (например, начальник южного авангарда генерал-майор Кондратович) поставили перед штабом Маньчжурской армии вопрос об увеличении платы лазутчикам [1, 29289/70—71].

Основные задачи оперативной работы с ними раскрыты в указаниях генерал-квартирмейстера Харкевича, направленных Мищенко и Косоговскому 22 мая (4 июня) 1904 г.: «Разведка лазутчиками, помимо выяснения номеров частей, фамилий начальников, числа орудий и численности войск, должна иметь целью сбор сведений о постройке укреплений, усилении их искусственными препятствиями и минами, о местах устройства магазинов и численности в них гарнизонов и прочее» [1, 29289/121].

Несколько позднее, в июле 1904 г., организация «ближней» разведки в полосе обороны Маньчжурской армии была возложена на двух опытных офицеров — штабс-капитанов С.В. Афанасьева и А.Н. Россова. Первый наблюдал за центром и левым флангом противника (армией генералов Оку и Нодзу), а второй — за правым (армией генерала Куроки) [10, 1/22/5—18]. Однако неудачи русских войск в ряде сражений на первом этапе войны, особенно под Ляояном 13—21 августа (26 августа — 3 сентября) 1904 г., заставили А.Н. Куропаткина издать приказ об активизации агентурной деятельности силами разведывательных отделений штабов корпусов и дивизий [1, 22/71].

Однако, несмотря на все усилия русской разведки, проведение «ближней» разведки с помощью агентов-китайцев давало скромные результаты [1, 29090/65—66]. Это объяснялось также низкой заинтересованностью потенциальных лазутчиков в успехах русского оружия и отсутствием специальной подготовки. Одной из причин нежелания местного населения сотрудничать с военной разведкой России являлось воспоминание об активном участии царских войск в интервенции западных держав

1900—1901 гг. Свидетельством этому служит одно из донесений 2-го военного атташе в Китае генерал-майора Десино от 4 (17) июля 1904 г.: «Среди китайцев начинает распространяться слух, что если японцы возьмут Порт-Артур, то Китай соединится с ними для действий против русских и кроме того начнётся повсюду движение вообще против иностранцев» [6, 1/6551/176].

Успешнее работали на русскую военную разведку агенты-корейцы. Курированием их подготовки занимались уже знакомый нам полковник Нечволодов и капитан 7-го стрелкового полка Кузьмин, которые сумели привлечь на свою сторону ряд ценных информаторов, включая одного из адъютантов императора Кореи. Однако высадка японских войск и оккупация всего Корейского полуострова существенно сократили возможности разведывательной работы его подданных [10, 1/22/5—18; 1, 28823/271]. Поэтому наряду с местными жителями в качестве лазутчиков использовались даже католические миссионеры [1, 29091/135] и военнослужащие русской армии. Так, в сентябре 1904 г. рядовой 284-го Чембарского полка В. Рябов перешёл линию фронта, переодевшись маньчжурским крестьянином, но был пойман и расстрелян японской контрразведкой [21, с. 78].

В распоряжении войсковых разведчиков также имелся богатый арсенал специальных методов. Разведка проводилась кавалерийскими подразделениями (казаками и драгунами), пешими командами охотников и отдельными волонтерами [52, с. 254, 271, 306—307, 473, 609—610].

Однако расчёты Главного штаба на эффективность фронтовой разведки силами кавалерийских отрядов в целом не оправдалась. Дело в том, что японцы выставляли очень сильное охранение позиций с хорошей маскировкой, а попытки обойти их по флангам заканчивались неудачно из-за слабой ориентации русских кавалеристов на пересечённой местности, покрытой густым лесом или посевами гаоляна (китайского проса высотой до 2 м), незнания языка и враждебного отношения местного населения [12, с. 57]. Примечательно, что хотя ещё до войны Главный штаб подготовил точные топографические карты Маньчжурии в масштабе две версты (т.е. примерно 2,14 км) на дюйм, обеспечение ими штабов полевых частей было недостаточным [51, с. 15].

Неудачи Маньчжурской армии, блокада Порт-Артура, поражения на море, а главное — переход от маневренного этапа войны к позиционному заставили царское правительство внести существенные коррективы в организационную структуру вооружённых сил на Дальнем Востоке. Е.И. Алексеев был отозван в Петербург, его штаб ликвидирован, а все нити управления сухопутными и морскими силами сосредоточились в руках нового главнокомандующего А.Н. Куропаткина. В октябре 1904 г. Маньчжурская армия была разделена на три, каждая со своим штабом, а, следовательно, — разведывательным отделением. Вместо Харкевича, получившего должность начальника штаба главнокомандующе-

го, управление генерал-квартирмейстера возглавил А.Е. Эверт, а весной 1905 г. — В.А. Орановский, приходившийся зятем В.П. Линевичу. Процедура реорганизации, затронувшая также и военную разведку, диктовалась стремлением избежать повторения ситуации, которая складывалась в ходе осенних боёв, когда в разведывательном отделении штаба Куропаткина «гадали и разгадывали: куда делись японцы, почему о них ничего не слышно» и не ушла ли «часть армии для атаки Порт-Артура» [25, с. 207].

Как свидетельствуют источники, в области стратегической разведки внимание русских военных атташе в Европе в течение второго периода войны было сосредоточено на добывании информации о выполнении западными компаниями заказов японского командования на вооружение и боевую технику. Так, сообщение полковника Шебеко из Берлина о британских снарядах и германских пушках, предназначенных для отправки в Страну восходящего солнца, было доведено до сведения начальника штаба главнокомандующего генерал-лейтенанта В.В. Сахарова, который в свою очередь 18 (31) октября 1904 г. обратился с просьбой в Петербург предпринять усилия для перехвата военных грузов [6, 1/6552/21].

Другими подобными примерами служат донесения полковников В.Х. Роопа из Вены о закупках лошадей в Австралии, А.М. Алексева из Стокгольма об изготовлении броневых плит фирмой «Бофорт» в Швеции и В.П. Лазарева из Парижа о заказе горных орудий у компании «Крезю» для нужд армии противника [6, 1/6552/161; 13, с. 214—215].

Начало позиционной войны после сражений под Ляояном и на реке Шахэ осенью 1904 г. потребовало усиления агентурной деятельности военных атташе в Китае. Полковник Огородников и генерал-майор Десино интенсифицировали вербовку секретных агентов, отдавая теперь предпочтение китайцам и корейцам перед подданными европейских государств [1, 29051/1]. Также успешно продолжали сбор стратегической информации на территории Цинской империи дипломаты и сотрудники правления Русско-Китайского банка: П.М. Лессар, А.И. Павлов, К.В. Клейменов, Н.В. Лаптев, П.Г. Тидеман, Л.Ф. Давыдов и другие.

Так, например, секретной телеграммой от 22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.) Павлов предлагал командованию рассмотреть вопрос о подготовке восстания китайского населения о-ва Формозы (Тайваня) против японских оккупационных властей [6, 1/6464/9], а в апреле 1905 г. он же совместно с другими русскими консулами организовал командировку двух своих лучших агентов — французских граждан в Юго-Восточную Азию для сбора сведений о вероятных действиях японского флота против эскадры Рожественского [10, 1/22/19—51].

Активное привлечение к сотрудничеству китайских мусульман, а также формирование из хунхузских банд летучих отрядов с целью разведки позиций противника и проведения диверсий в тылу японских войск — таковы главные направления разведывательной деятельности штаба тыла

маньчжурских армий. Но уже к июлю 1905 г. русская военная разведка, впрочем, как и японская, пришла к выводу о чрезмерных расходах на содержание «туземных» отрядов и низкой эффективности их деятельности. Как отмечалось в одном из докладов, «ничего не делая, они грабят жителей в районе, занятом нашими войсками, увеличивая раздражение населения против нас» [6, 1/1647/122—123]. Приказ о роспуске отрядов местной «милиции» был подписан новым главнокомандующим В.П. Линевичем 2 (15) сентября 1905 г. [9, 2/30/16].

Определённые изменения произошли и в войсковой разведке. Зимой 1904—1905 гг. воздухоплавательная рота, впервые созданная в русской армии, применила воздушные шары с водородным наполнением для разведки позиций неприятеля [10, 1/26/8; 41, 216—217]. Кроме того, широкое распространение в войсках наконец получили современные оптические приборы — подзорные трубы и полевые бинокли, позволявшие уточнять дислокацию японцев на расстоянии нескольких километров [41, с. 217—218]. В период осады Порт-Артура для передачи разведывательных данных использовались специально тренированные голуби, которые покрывали расстояние от ставки Куропаткина до морской крепости за 10—12 ч [10, 1—22/5/18].

Наиболее важная информация стекалась в штабы армий и главнокомандующего. Здесь она подвергалась тематической обработке и принимала вид регулярных сводок данных о ситуации на театре военных действий. К маю 1905 г. была полностью отработана система информационного обеспечения деятельности русских войск до штаба бригады и полка включительно, а тираж сводок, отпечатанных типографским способом, достиг 500 экз. В дополнение к ним разведывательное отделение штаба главнокомандующего в 1905 г. дважды издавало специальную брошюру, содержащую сведения по следующим разделам: «Организация японских сухопутных вооружённых сил», «Краткое описание форм обмундирования» и «Перечень начальников японских войск» [10, 1—22/5/18].

Качественное совершенствование деятельности русской военной разведки, достигнутое к середине 1905 г. ценой колоссальных затрат людских жизней, материальных ресурсов и времени, не осталось без внимания иностранных наблюдателей. Об этом свидетельствует лекция британского полковника Дж. Холдейна, прикомандированного во время войны к 2-й японской армии, перед слушателями военного колледжа в Кэмберси, в которой он отметил «резкое улучшение» организации разведывательной службы в Маньчжурских армиях после Мукдена [26, с. 165].

Оценивая в целом эволюцию русской военной разведки на Дальнем Востоке в 1904—1905 гг., можно сделать вывод о серьёзной трансформации её структурно-функциональной основы. На смену неопытности и дилетантизму начального периода войны пришли профессионализм и современные технические средства (радиостанции, оптические приборы,

воздушные шары). Был накоплен большой опыт организации всех видов разведки: стратегической, тактической и оперативной. Получила значительное развитие методика сбора, фильтрации и ситуационного анализа информации о противнике. Впервые в таком масштабе была развёрнута агентурная сеть, составлены инструкции по работе с лазутчиками различного типа, создан разведывательный центр для их подготовки.

Высшее командование регулярно получало ценные сведения о дислокации и перемещении войск противника, его замыслах и планах (к примеру, дата высадки японцев на о-ве Сахалин была установлена за месяц до проведения этой акции), выполнении японских военных заказов европейскими компаниями. К числу заслуг военных разведчиков следует также отнести обеспечение безопасности беспрецедентного плавания эскадры Рождественского к берегам Тихого океана.

Важно также подчеркнуть тот факт, что за всё время войны японцам так и не удалось совершить крупных диверсий в тылу русских, например, взрыва доков Владивостока, мостов и туннелей на линии КВЖД, крупных армейских складов в Ляояне, Мукдене и Харбине. Более того, военная разведка России сумела нейтрализовать попытки японского командования спровоцировать выступления населения китайских провинций и монгольских хошунов против царских властей.

Опыт, приобретённый военной разведкой за полтора года боевых действий, способствовал её превращению в важнейшую, самостоятельную сферу управления войсками. Отныне эта специальная служба заняла своё место в структуре вооружённых сил России. Именно результаты Русско-японской войны вызвали к жизни проекты организации разведывательной службы, подвигнув высшее руководство империи к созданию Главного управления Генерального штаба, а затем и разведывательных отделений в штабах военных округов. Опыт войны заставил проводить разведывательные мероприятия по особому плану, а в Академии Генерального штаба был введён соответствующий учебный предмет [60; 13/2; 54, с. 138—153].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

1. Ф. Военно-учёного архива (ВУА).
2. Ф. 76. Косоговский В.А.
3. Ф. 165. Куропаткин А.Н.
4. Ф. 400. Главный штаб.
5. Ф. 487. Русско-японская война 1904—1905 гг.
6. Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба.
7. Ф. 14326. Штаб Маньчжурской армии.
8. Ф. 14378. Управление военного комиссара Мукденской провинции.
9. Ф. 14390. Штаб тыла войск Дальнего Востока.
10. Ф. 14926. Штаб войск Дальнего Востока.

Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ)

11. Ф. 763. Дневники, заметки, записки, вырезки по русско-японской войне (коллекция).
12. *Азиатикус*. Разведка во время русско-японской войны. — В сер.: Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. СПб., 1907. Вып. XII.
13. *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998. кн. 1.
14. *Аничков Д.И.* Пять недель в отряде генерал Мищенко. СПб., 1907.
15. *Бунич И.Л.* Долгая дорога на Голгофу. Воспоминания. Историческая хроника. СПб., 2000.
16. *Верцинский Э.А.* Усиленная разведка частей 1-го Сибирского корпуса (в долине реки Сидалихэ). СПб., 1907.
17. *Вотинов А.* Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904—1905 гг. М., 1939.
18. *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905—1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.
19. *Грулев М.* В штабах и на полях Дальнего Востока. СПб., 1908.
20. *Данилов Н.А.* Подготовка в широком смысле воюющих сторон перед войной и обстановка перед сражением под Тюренченом // Русско-японская война в сообщениях в Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1906, ч. 1.
21. *Деревянко И.В.* Русская агентурная разведка в 1902—1905 гг. // Военно-исторический журнал, 1989, № 5.
22. *Дроздова Э.А.* Образ Японии и японцев в русско-японскую войну 1904—1905 гг. (по материалам дальневосточной периодики и архивным фондам Приамурского генерал-губернаторства). — В сб.: Пятая Дальневосточная конференция молодых историков. Владивосток, 1998.
23. *Жукова Л.В.* Идеологическое обоснование русско-японской войны 1904—1905 гг. в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
24. *Звонарев К.К.* Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914—1918 гг. М., 1929—1931, ч. 1—2.
25. *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1998.
26. Из истории разведывательной деятельности Японии и России. Лекция полковника британского военного министерства Дж. Холдейна, март 1909 г. / сост. С. Добсон // Исторический архив, 1997, № 1.
27. *Измestъев П.И.* О нашей тайной разведке в минувшую кампанию. Варшава, 1910.
28. *Инабэ Ч.* Из истории разведки в годы русско-японской войны (1904—1905). Международная телеграфная связь и перехват противника // Отечественная история, 1994, № 4—5.
29. Из предыстории русско-японской войны. Донесения морского агента в Японии А.И. Русина (1902—1904 гг.) / публ. В.А. Петрова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 1996, кн. 6.
30. История русско-японской войны. СПб., 1907, т. 1.
31. История русско-японской войны 1904—1905 гг. / ред. И.И. Ростунов. М., 1977.
32. *Кирмель Н.С.* Организация русской контрразведки и её борьба с японским и германским шпионажем в Сибири (1906—1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1999.
33. *Клембовский В.Н.* Тайные разведки. 2-е изд. СПб., 1911; *Скосаревский А.* Из боевой жизни офицера-разведчика в русско-японскую войну (психологический этюд). СПб., 1911.
34. *Кравцев И.Н.* Тайные службы империи. М., 1999.
35. *Кряжев Ю.Н.* Военно-политическая деятельность царя Николая II в период 1904—1914 гг. Курган, 2000.
36. *Куропаткин А.Н.* Записки о русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909.

37. *Лебедев В.* Разведка виновна менее всех... О малоизученных уроках и опыте русско-японской войны 1904—1905 гг. // Независимая газета. Военное обозрение, 22 ноября 2002 г.
38. *Левицкий Н.А.* Русско-японская война 1904—1905 гг. М., 1938.
39. *Мартынов Е.И.* Воспоминания о японской войне. Плоцк, 1910.
40. *Нодо Л.* Письма о войне. СПб., 1906.
41. Отчёт о деятельности управления генерал-квартирмейстера 3-ей Маньчжурской армии за время войны 1904—1905 гг. СПб., 1907.
42. Очерки истории российской внешней разведки / ред. *Е.М. Примакова.* М., 1996, т. 1.
43. *Павлов Д.Б.* Российская контрразведка в годы русско-японской войны // Отечественная история, 1996, № 1.
44. *Павлов Д.Б.* Русско-японская война 1904—1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004.
45. *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли о последней войне (1904—1905 гг.). СПб., 1906.
46. *Петров В.А.* Русские военно-морские агенты в Японии (1858—1917) // Знакомьтесь — Япония, 1998, № 19.
47. *Подалко П.Э.* Из истории российской военно-дипломатической службы в Японии (1906—1913 гг.). — В сб.: Япония. Ежегодник. 2001—2002. М., 2002.
48. Приказы по Военному ведомству. СПб., 1890.
49. *Рябиков П.Ф.* Разведывательная служба в мирное и военное время. Томск, 1919, ч. 1—2.
50. *Рябинин А.А.* На войне в 1904—1905 гг. Из записок офицера действующей армии. Одесса, 1909.
51. *Свечин А.А.* Русско-японская война 1904—1905 гг. Ораниенбаум, 1910.
52. Сводка тактических указаний в войну 1904—1905 гг. СПб., 1906.
53. Сводки сведений о противнике. 1904—1905. Харбин, 1905.
54. *Сергеев Е.Ю., Улуян Ар.А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. М., 1999 (2-е изд. М., 2003).
55. *Симбирцев И.* На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880—1917. М., 2006.
56. *Скосаревский А.* Из боевой жизни офицера-разведчика в русско-японскую войну (психологический этюд). СПб., 1911.
57. *Сорокин А.И.* Русско-японская война 1904—1905 гг. (военно-исторический очерк). М., 1956.
58. Тайны русско-японской войны. Японские деньги и русская революция / сост. *Д.Б. Павлов, С.А. Петров.* Русская разведка и контрразведка в войне 1904—1905 гг. / сост. *И.В. Дервянко.* М., 1993.
59. *Ухач-Огорович Н.А.* Маньчжурский театр военных действий в русско-японскую войну 1904—1905 гг. Киев, 1911.
60. *Шелухин А.Ю.* Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX в. (1906—1914 гг.) // Вестник Московского университета, сер. 8. История, 1996, № 3.
61. Энциклопедия военных и морских наук / ред. *В.А. Леер.* СПб., 1883—1997, т. 6.
62. Японские дневники А.Н. Куропаткина / сост. *Е.Ю. Сергеев, И.В. Карпеев* // Российский архив, 1995, т. VI.
63. Японский шпионаж в царской России. Сб. документов / сост. *И. Никитинский.* М., 1944.
64. *Behrman M.* Hinter den Kulissen des mandschurischen Kriegstheaters. Berlin, 1905.
65. *Brunker H.* Story of the Russo-Japanese War, 1904—1905. London, 1909.
66. *Connaughton R.* The War of the Rising Sun and Tumbling Bear: A Military History of the Russo-Japanese War, 1904—1905. London — New York, 1988.

67. *Daly J.* Autocracy under Siege. Security Police and Opposition in Russia, 1866—1905. Bloomington, 1998.
68. *Hoyt E.* The Russo-Japanese War, 1904—1905. London, 1967.
69. *Maccormick F.* The Tragedy of Russia in Pacific Asia. London, 1909. v. 1—2.
70. *Martin C.* The Russo-Japanese War. London, 1967.
71. *Menning B.* Bayonets before Bullets. The Russian Imperial Army, 1861—1914. Bloomington, 1992.
72. *Nish I.* Japanese Intelligence and the Approach of the Russo-Japanese War. — In: Governments and Intelligence Communities in the 20th Century / eds. *C. Andrew, D. Dilks.* London, 1984.
73. *Schimmelpenninck van der Oye D.* Russian Military Intelligence on the Manchurian Front, 1904—05 // Intelligence and National Security, London, January 1996, v. XI, no. 1.
74. *Walder D.* The Short Victorious War. The Russo-Japanese Conflict, 1904—1905. London, 1973.
75. *Warner D., Warner P.* The Tide at Sunrise. A History of the Russo-Japanese War, 1904—1905. London, etc., 1974.
76. *Westwood J.* Russia Against Japan, 1904—1905. A New Look at the Russo-Japanese War. London, 1986.
77. *Wolff D.* Intelligence Intermediates: The Competition for Chinese Spies. — In: *Steinberg J.* et al. (eds) The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden — Boston, 2005. v. 1.